

В. М. ПАНЕЯХ

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЧАСТНОГО АКТА

(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Установление времени возникновения частного акта является важной задачей, так как это, во-первых, исходный момент его истории и, во-вторых, существенно для изучения социально-экономических процессов в самом обществе.

В дореволюционной историографии лишь А. Г. Станиславский определенно высказался о том, что частный акт появился «не ранее XIII в.».¹

В послереволюционной же исторической науке впервые сделал попытку разрешить эту проблему С. Н. Валк. Первоначально он отверг возможность упоминаний о частных актах в договоре Олега с греками (911 г.) и в Краткой и Пространной Правдах, отрицая синонимичность «ряда» и акта,² а затем приступил к последовательному изучению тех частных актов, которые прежде относили к раннему периоду (XII—XIII вв.).

Прежде всего, С. Н. Валк приходит к выводу, что данная (купчая) и духовная Антония Римлянина не могут «свидетельствовать о событиях, протекавших за четыре века» до XVI столетия, когда, по его мнению, они были созданы, а потому не должны быть датированы XII в.³

Аргументируя этот вывод, С. Н. Валк обратил внимание на то, что в связи с тяжбой между монастырем и посадскими людьми Иван IV в 1573 г. слушал челобитную монастыря на новгородцев и «приказал подписать на свое имя явно не фигурировавшую ранее в деле и теперь только предъявленную монастырем грамоту, и затем по этой грамоте решил дело в пользу монастыря». С. Н. Валк указал также на путаницу, возникшую при публикации данной (купчей) и духовной Антония Римлянина в литературе, связанную с тем, что осталось непроясненным, какой из этих двух актов Иван IV под-

¹ Станиславский А. Г. Об актах укрепления прав на имущество. Казань, 1842. С. 108 и сл.

² Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // ВИД. М.; Л., 1935. С. 292—294.

³ Там же. С. 300.

твердил, и пришел к заключению об одновременном предъявлении царю обоих актов и подтверждении им их как одного связанного целого. Предположение о большей древности духовной по сравнению с данной (купчей) на том основании, что в первой денежный счет ведется гривнами, а в последней рублями, неубедительно: «...духовная заставляет Антония получать благословение от успевшего умереть к тому времени епископа Никиты». По мнению С. Н. Валка, предъявленные Ивану IV акты призваны были выполнить не только деловую (имущественную), но и агиографическую задачу: «...ко времени Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг. не было почитания памяти Антония, ни общего, ни местного (...), и это послужило толчком к агиографической работе». Ведь только «в 1550 г. „находят“ в Новгороде тот камень, на котором „приплыл“ сюда из Рима Антоний; только с этого времени его начинают называть Римлянином».⁴

Рассматривая данную Ивана Фомина сына священнику Лазарю (Муромскому монастырю на Онеге), включенную в завещание последнего и датированную 1182 г., С. Н. Валк обратил внимание: а) на несообразность термина «волостяне» для XII—XIV вв. и его актуальности для XVII в., когда монастырь вел ожесточенную тяжбу с «волостянами»; б) на фразу о приложении к акту «свинцового образа», тогда как свинцовые печати появились на северных актах с XV в., причем они не прикладывались, а привешивались, «прикладывалась» же рука завещателя — элемент удостоверения, не имевший места в новгородских актах ранее XVI в.; в) на то, что в 1650 г., не имея возможности выиграть дело с окрестными крестьянами на основе имеющихся материалов, царю представили на утверждение копии не существовавших в то время актов, но почему-то не представили данную Ивана Фомина; вместе с тем представленные царю акты вовсе не упоминают имени Лазаря.

Все это привело С. Н. Валка к выводу о датировании данной Ивана Фомина, как и всего завещания Лазаря, второй половиной XVI в.⁵

Следующий акт XII в. — вкладная (данная) Варлаама Хутынского — хотя и написан на пергамене полууставом и тем самым по палеографическим признакам относится к древним актам, но также вызвал у С. Н. Валка сомнения в подлинности. С. Н. Валк указывает, в частности, на то, что «первая церковь в Новгороде, посвященная Варлааму, была построена в 1410 г.», а «память его начала почитаться, по-видимому, (...) в конце XIV в.; предметы, непосредственно связанные с именем самого Варлаама (в частности, поручи. — В. П.) либо по преданию, либо по надписям на самих этих вещах, на самом деле относятся к (...) началу XV или же к концу XIV в.»; восьмиконечный «крест преподобного Варлаама Хутынского» позднейшего происхождения, да и не имеет никакой надписи; печать с именем Варлаама Хутынского, по свидетельству А. В. Орешникова, относится к концу XIV—началу XV в. и является прямой подделкой под имя Варлаама; пергамен употреблялся в Новгороде до конца XV в.; для XV в. существуют рукописи и акты с теми же начертаниями букв, что и в варлаамовой грамоте; «нижний неиспользованный край варлаамовой

⁴ Там же. С. 296—300.

⁵ Там же. С. 301—303.

грамоты равен более четверти ее высоты», тогда как, за «единичными исключениями, пергаменные акты, даже акты первостепенной государственной важности, не имеют полей»; «весь акт написан в третьем лице» при наличии в конце его согбогатіо и санкции, и это определяет его сходство с новгородскими позднейшими частными актами XV в.; восьмиконечный крест на левом поле также ставит под сомнение дату акта, поскольку, по свидетельству И. А. Шляпкина, появляется в Новгороде не раньше XIV в., а по более осторожному мнению самого С. Н. Валка — для XII—XIII вв. явление чрезвычайно редкое. Все это позволило С. Н. Валку отнести вкладную (данную) Варлаама Хутынского к концу XIV—началу XV в., хотя автор не сумел указать на события, которые дали повод для возвеличения памяти Варлаама и поискам реликвий, к нему относящихся.⁶

Рассматривая акты XIII в., С. Н. Валк останавливается на данной черницы Марины, вдовы кн. Дмитрия Константиновича, Суздальскому Васильевскому монастырю. Здесь он отмечает, что «оба дипломатических признака грамоты, наличие датировки и рукоприкладств, относят грамоту ко времени не ранее XV в.». Кроме того, и содержание акта расходится с датой: «Дмитрий Константинович Суздальский жил не в XIII, а в XIV веке, и умер он только в 1383 г.». Монашеское же его имя не Дионисий (как в грамоте), а Федор. Мотивы и время подделки определяются С. Н. Валком в связи с грамотой с прочетом царя Ивана IV от 13 марта 1583 г. в Суздаль, из которой становится ясным, что в ходе одной из тяжб из-за пустоши игумен Васильевского монастыря Авраамий выставил в обоснование своих прав именно этот акт. Следовательно, его следует относить к концу XVI в.⁷

К XIV—XV вв. относили всегда значительно большее число актов. Но, как отметил С. Н. Валк, напечатанные А. А. Шахматовым двинские акты имеют своей конечной датой не 1471 г., а начало XVI в.; то, что А. Х. Востоков и его предшественники и последователи считали актами XIII в., «после работы А. А. Шахматова приходится относить уже во всяком случае к XV в. и, может быть, в единичных случаях к концу XIV в.». В том же ключе рассматривает С. Н. Валк и акты, опубликованные в «Сборнике Муханова», и приходит к выводу, что «здесь мы не имеем частных актов XIV в.».⁸ Хотя для этой сравнительно поздней эпохи с точки зрения целей данной работы С. Н. Валка подделки не имели существенного значения, все же он остановился и на некоторых из них.

Мировая шунгских смердов с Григорием Семеновичем («старинная ободная») XIV в. «носит признаки актов XVI—XVII вв.»: он «датирован, притом не только годом, как то встречается в частных актах в конце XV в., но и месяцем и числом (...), для чего надо перейти уже к XVI в. (некоторые единичные примеры датировки в позднейших копиях актов должны быть рассмотрены каждая в отдельности)»; «акт имеет рукоприкладства (их два), чего нельзя найти ранее XVI в.»; «акт назван „записью“ — термином, вошедшим в употребление только в XVI в.». Датировать точнее эту подделку

⁶ Там же. С. 303—306.

⁷ Там же. С. 307—308.

⁸ Там же. С. 310—314.

позволила заверка списка акта архимандритом Хутынского монастыря Тихоном, который был архимандритом в 1658—1660 гг.

Другим примером, по мнению С. Н. Валка, подделки акта XIV в. служит данная Саввы Дмитриевича Сюзева Благовещенскому монастырю от 1398/1399 г. И здесь «датировка частного акта (...) относит нас, по крайней мере, к концу XV в., а датировка, поставленная в начале акта, явление еще более позднее». Что же касается формулы «божиею милостью», то она «в частных актах неупотребительна». Анализ патриаршей крепостной книги, в которую был внесен данный акт, привел С. Н. Валка к выводу, что он отсутствовал в первоначальном своде нижегородских актов, в том числе Благовещенского монастыря. В то же время «при отсутствии подлинника и каких-либо ссылок на него» имеется дважды подтвержденная копия — в начале поземельного конфликта и в момент возникновения дела в суде. Все это ведет к выводу о подделке акта. Указывает С. Н. Валк и на документальные источники фальшивки — жалованную грамоту великого князя Василия Дмитриевича Благовещенскому монастырю 1423 г. на ряд земель, среди которых были упомянуты и пустоши Саввы Сюзева; митрополичьи грамоты (позднее царские) с их трафаретным началом «Божиею милостию се яз».⁹

Подводя итоги, С. Н. Валк отметил, что, несмотря на наличие подделок, все же за вторую половину XIV в. имеются немногие частные акты, и именно потому отнес эту эпоху ко времени появления в центральной России частного акта.¹⁰ Появление же частных актов в Новгороде (духовная Климента) и Пскове (или Полоцке) (рядная Тешаты) — двух центрах, «развитие которых (...) шло несколько иным путем, чем развитие остальной феодальной России», то здесь они появились в XIII в.¹¹

С решительными возражениями С. Н. Валку по вопросу о времени возникновения древнерусских частных актов выступил М. Н. Тихомиров, который посвятил проблеме датировки вкладной (данной) Варлаама Хутынского, данной (купчей) и духовной Антония Римлянина, данной Марины специальную статью, настаивая на их подлинности.¹² По его мнению, С. Н. Валк пришел «к очень печальным результатам», поскольку «из числа наших исторических источников выпадают ценнейшие документы, которыми пользовались и продолжают пользоваться многие исследователи», особенно же огорчительно, что к числу подложных актов отнесена вкладная Варлаама Хутынского — «единственный документ, рисующий вотчину знатного землевладельца конца XII—начала XIII в.».¹³

⁹ Там же. С. 315—316.

¹⁰ Там же. С. 316.

¹¹ Там же. С. 310. К сожалению, С. Н. Валку иногда ошибочно приписывается мнение, что древнерусские частные акты на всей территории Русского государства возникли в XIV в. (см., напр.: Янин В. Л. 1) Новгородские грамоты Антония Римлянина и их даты // Вестник Московск. ун-та. Сер. IX. История. 1966. № 3. С. 71; 2) Грамоты Антония Римлянина и их датирование // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977. С. 43).

¹² Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // ИЗ. 1945. Т. 17. С. 225—244.

¹³ Там же. С. 224.

Именно с этого акта М. Н. Тихомиров начал свои возражения С. Н. Валку.

Прежде всего, М. Н. Тихомиров в отличие от С. Н. Валка относит поручи Варлаама не к XIV, а к XIII в. Но что это меняет? Ведь речь идет не о XII в., к которому М. Н. Тихомиров относит акт. Подозрение С. Н. Валка относительно печати М. Н. Тихомиров отводит, ссылаясь на недостаточное исследование, хотя и воздерживается от утверждения о ее подлинности.¹⁴ Ссылку С. Н. Валка на дороговизну пергамента, делающую сомнительным оставление нижнего поля чистым, М. Н. Тихомиров отводит, опираясь на то, что в XIII в. существовала Новгородская кормчая, написанная на многих листах, и на то, что «стоимость земли, подаренной Варлаамом Хутынскому монастырю, во много раз превосходит стоимость маленького куска пергамента». Утверждение М. Н. Тихомирова, согласно которому С. Н. Валк придает решающее значение изображению на акте восьмиконечного креста,¹⁵ неверно. С. Н. Валк только указывает на чрезвычайно редкие случаи изображения именно такого креста в XIII в., и это побуждает его отнести грамоту к концу XIV—началу XV в., «ко времени, к которому (...) относятся почти все памятники, связанные с именем Варлаама».¹⁶ Оспаривает М. Н. Тихомиров и мнение о существовании для XIV и даже для XV в. других рукописей и актов с начертанием букв, подобных тем, что и на варлаамовой грамоте. Прделанный М. Н. Тихомировым анализ подкрепляет его убеждение о подлинности акта, равно как и изучение его орфографии. Наконец, отвергает М. Н. Тихомиров и аргументацию, касающуюся дипломатических признаков: написание в третьем лице встречается и в рядной Тешаты; форма заклатья сходна с заклатями публичных актов XIII в. и отсутствует в новгородских частных актах XV в.¹⁷

О древности акта, по мнению М. Н. Тихомирова, свидетельствует и его лексика (употребление слова «божница» вместо «церкви», слова «гоголиные» ловища), а также само содержание вкладной, в частности, отсутствие в ней обозначения границ Хутынской земли, что для конца XIV—начала XV в. явилось бы «беспредметной подделкой». Отнесение краткого жития Варлаама вслед за В. О. Ключевским к XIII в. никак не аргументируется М. Н. Тихомировым, несмотря на наличие иных мнений (XV в.), к которым присоединился С. Н. Валк. То обстоятельство, что показания этого жития подтверждаются Новгородской I летописью по древнейшему списку (не позднее половины XIV в.), необязательно свидетельствует о его составлении при жизни Варлаама, как утверждает М. Н. Тихомиров.

В заключение М. Н. Тихомиров пришел к выводу о подлинности вкладной Варлаама Хутынского, составленной около 1211 г.¹⁸ За-

¹⁴ В. Л. Янин относит эту печать к началу XV в., связывая ее появление со временем канонизации Варлаама (*Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 140*).

¹⁵ *Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. С. 226—228.*

¹⁶ *Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. С. 306.*

¹⁷ *Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси. С. 228—230.*

¹⁸ Там же. С. 230—233. Предположение М. Н. Тихомирова, что Варлаам был сыном Михаила Степановича (посадника в 1186—1189 гг. и 1203—1205 гг.), не подтверждается данными генеалогии (см.: *Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 137*).